

ГОЖИЙ А.О.

УДК 94(4)

РЕВОЛЮЦИОННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ (ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ), КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ, СОГЛАСНО СОВЕТСКИХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1917 ГОДА

В статье проводится описание воплощения принципа революционной необходимости (целесообразности) при формировании, а также деятельности судебных и следственных органов Российской Республики в начале их становления, проводится системный анализ первых нормативно-правовых актов большевистского правительства, раскрываются их внутренние противоречия, сложность применения на практике отдельных норм и декларативных характер.

Ключевые слова и фразы: *Уголовная юстиция, революционный трибунал, следственная комиссия, декрет о суде.*

У статті «Революційна необхідність (доцільність), як основний принцип кримінальної юстиції, згідно радянських нормативно-правових актів Російської Республіки, жовтень-грудень 1917 року.» проводиться опис втілення принципу революційної необхідності (доцільності) при формуванні, а також діяльності судових і слідчих органів Російської Республіки на початку їхнього становлення, проводиться системний аналіз перших нормативно-правових актів більшовицького уряду, розкриваються їх внутрішні протиріччя, складність застосування на практиці окремих норм і декларативних характер.

Ключові слова і фрази: Кримінальна юстиція, революційний трибунал, слідча комісія, декрет про суд.

The article description of embodiments of the revolutionary principle of necessity (feasibility) in the formation and activities of the judicial and investigative bodies of the Russian Republic in the beginning of their development, system analysis of the first legal acts of the Bolshevik government, disclosed their internal contradictions and complexity of the application in practice of certain norms and declarative nature.

Key words and phrases: Criminal justice, revolutionary tribunal, commission of inquiry, the decree of the court.

События украинских революций 2005, 2014 годов заставляли нас окунаться в круговорот быстроменяющихся событий, в которых политическая обстановка обновлялась ежечасно, а те или иные

партийные группировки расписывали многоходовые комбинации с целью завладения государственной властью. Сегодняшняя история знает множество

примеров, когда, в революционном запале уголовная юстиция, как деятельность системы органов следствия и суда, становилась рычагом идеологической борьбы и политической расправы. Не редки случаи революционной целесообразности: по политической воле власть имущих, освобождались одни заключённые, минуя «бюрократические процедуры» и арестовывались иные лишь по указанию толпы.

Вышеизложенное вызывает шквал критики со стороны историков и правоведов. Должно ли приносить в жертву процессуальный закон для обеспечения торжества сиюминутной идеологии? Российская история знает ответ на этот вопрос, ведь наше государство проходило этап преобразований общества, права и государства в 1917 году, когда революционная необходимость (целесообразность), как принцип уголовной юстиции достигал в реализации своего апогея и закладывался в нормативно-правовые акты новорожденной советской Российской Республики.

Октябрьский переворот, совершённый большевиками или Великая Октябрьская социалистическая революция. Уже сами названия этого, бесспорно важнейшего, исторического события содержат зерно разногласий и дискуссий. Ни говоря о мнениях историков и правоведов, непосредственные вожди, организаторы и исполнители захвата власти в октябре 1917-го года не дают однозначного ответа, называя своё детище, то революцией, а то и переворотом либо мятежом. Несомненным остаётся лишь одно, что крайне трудно найти в мировой и отечественной истории столь запутанный, сложный и насыщенный событиями период. Период слома эпох, сознания, общества и вековых устоев. Период перерождения громадной Российской Империи, возникновения самых передовых идей, подъёма масс, надежд на новое прогрессивное будущее, и в то же время беспрецедентная борьба за власть, бунты, предательства и братоубийственная

война. Как метко указал видный большевик Сокольников Г.Я. на 8-м съезде РКП (б), *«Октябрь время «катастрофической ломки всего общественного уклада» [22, 93].*

Низвержение большевиками Временного правительства и захват государственной власти, возложило на коммунистическую партию задачу немедленного построения собственного государственного аппарата, с целью эту власть удержать и продлить на как наиболее большой срок, ведь не за горами должна была вспыхнуть и «всемирная социалистическая революция» [7, 4]. Смирнов Г.Л. указывал, что Ленин научно предсказывал возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, он, как и его соратники, всё же рассчитывал на развёртывание мировой пролетарской революции [17, 12-22]. Однозначное отождествление РСДРП (б) с источником легитимной власти, накладывало на дальнейшую государственную политику доктрину самой партии во всех сферах общественной жизни общества и республики. Для коммунистов этот тезис был ясным и однозначным, поскольку «Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством» [8, 7]. Председатель СНК Ленин в своей статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» [7, 39] обозначил ряд моментов в соответствии с которыми будет укрепляться народная власть. Указанная статья полна агрессии к «интеллигентским воплям» и даёт понять, что правительство рабочих и крестьян собирается вести систематическое революционно-пролетарское насилие над классом буржуазии и их пособников. Диктатура пролетариата укрепитя и восторжествует только в борьбе с буржуа, только путём их уничтожения. Даже умеренный, объединённый социал-демократ – интернационалист, Максим Горький в

своих «Несвоевременных мыслях» вполне соглашался с позициями Ленина, и выдвинул тезис, что право пролетариата на войну с другими классами всесторонне и глубоко обоснованно [2]. «Революция – есть политическое насилие» [22, 228]. Отсюда исходит, обобщённый принцип революционной необходимости (целесообразности) в построении советской России, государственного аппарата и органов уголовной юстиции, как части этого аппарата. Не борьба с общеуголовными деяниями выдвигается, при таком принципе, на первый план, а борьба с классовым врагом: «эти рабочие и крестьяне, начали небывалую по своим титаническим заданиям работу и вместе с Советами сломят до конца эксплуатацию капитализма, и, в конце концов, гнет буржуазии будет раз навсегда низвергнут» [7, 88]. Классовость права неизбежно порождает политическую целесообразность в его достижении. В первой главной фазе развития Советского государства, советский суд, содействуя государству, применял меры суровой уголовной репрессии к классовым врагам [23, 663].

Позиционируя себя, борцами за права пролетариата и крестьянства, большевики не могли сохранить прежнюю модель управления государством и процедуру привлечения к уголовной ответственности за совершённые преступления. Да и общественно-политическая обстановка требовала адекватных и немедленных действий со стороны органов уголовной юстиции. Само понятие преступления должно было меняться. Власть создавала новые критерии степеней тяжести преступного деяния, а также порядка привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Ленин указывал, что «пока есть эксплуатация не может быть равенства» [9, 22]. А, если, новая власть ставила перед собой цель ликвидацию сословий, помещичьей земельной собственности и всецелое подчинение управления государства советам рабочих и солдатских

депутатов [4, 7], то и право, как регулировщик важнейших общественных отношений должно трансформироваться согласно с условиями текущей обстановки. «Настроения» в социуме, политике и экономике определяются в нормативно-правовых актах путём урегулирования тех общественных явлений и отношений, которые имеют наибольшее значение для государства, поскольку «сам факт закрепления того или иного положения в нормативно-правовых актах уже является свидетельством его безусловной целесообразности, своевременности и справедливости» [10, 39]. Важно помнить, что отобрав власть у временного правительства, большевики передавали его советам. Таким образом, менялась и структура аппарата всей государственной машины, структуры правоприменения, в том числе и уголовной юстиции. На первый план практического осуществления выходили советы, которые в 1917-1918 гг. выступали органами революционной власти и народного самоуправления [1, 90-101].

Источником права есть его внешняя форма выражения, т.е. документ в котором отображаются законодательные нормы и предписания. Уголовное и уголовное процессуальное право в двадцатом веке, европейской правовой семьи, находит своё выражение в соответствующих кодексах: уголовных – где содержатся указания на, то какие деяния являются преступными, а также уголовных процессуальных кодексах, где регламентируется процедура привлечения виновных лиц к ответственности. Схожая ситуация сложилась и в Российской Империи где Уголовное уложение 1903г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864г., Воинский устав о наказаниях 1867, 1668, 1875г.г., Морской устав о наказаниях 1868г. и Устав уголовного судопроизводства 1864г. имели кодифицированную форму. Общей тенденцией развития континентального

права в XX веке являлось безусловное главенство буквы и духа закона в уголовной юстиции. «Закон – это звучит твердо, неумолимо» [16, 136].

Власть большевиков избрала для выражения своей законодательной воли ряд документальных форм, таких как приказы, обращения, постановления, резолюции и особо важные законодательные акты высшей силы – декреты, которые принимали съезды Советов, ВЦИК, СНК. Применялось также право Российской Империи и Временного правительства, но только в той его части, что не противоречило изданному, вступившему в силу, законодательству советской власти и революционному правосознанию. То есть декларировался примат советского революционного права и соответственно правоприменения «старых законов» исходя из относительных и оценочных понятий революционной совести и т.п. В октябре-декабре 1917 года издан целый пласт законодательных актов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, ВЦИК, СНК, ВРК и документов ЦК РСДРП (б), как партии власти, при анализе которых возможно установить главенствующий принцип нормотворчества советского государства – Российской Республики в отрасли уголовной юстиции. Законодательные акты дают возможность отследить главный принцип советского правоприменения, как рекомендовал доктор исторических наук Наумов В.П., «строго – за фактом. Строго – за документом» [20, 88].

Согласно с Декретом о порядке утверждения и опубликования законов от 29 октября 1917 года [4, 31-30] составление и опубликование законов производится Временным рабочим и крестьянским правительством (все даты до 1 июля 1918 года указываются по старому стилю). В резолюции ВЦИК от 4 ноября 1917 года указывается, что «Советский парламент не может отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Центральным Исполнительным

Комитетом неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов» [4, 44]. При этом пункт 7 Декрета от 29 октября 1917 года установил, что ЦИК в любое время имеет право приостановить, изменить или отменить всякое постановление Правительства. Что касается действия новых законов во времени, то датой вступления их в силу считался день опубликования его в официальной «Газете Рабочего и Крестьянского Правительства» если иной срок не установлен в самом нормативно-правовом акте. Советским нововведением было также введение постановлений (декретов) Правительства по телеграфу, при этом вступившим в законную силу акт считался в момент опубликования телеграммы в данной местности. Позднее, согласно с Декретом о времени вступления в силу узаконений и распоряжений правительства от 17 ноября 1917 года [4, 103], было установлено, что все законы, декреты, постановления и распоряжения Правительства входят в законную силу с момента опубликования их в «Газете Рабочего и Крестьянского Правительства». Таким образом, законодателем в отрасли права уголовной юстиции был СНК под парламентским контролем ВЦИК. Касательно даты вступления нормативно-правовых актов, то нами выявлена определённая коллизия между Декретом о порядке утверждения и опубликования законов и Декрета о времени вступления в силу узаконений и распоряжений правительства. Которую, по нашему мнению следует разрешать в пользу правил установленных последним, поскольку, он имеет более позднюю дату издания и также более узкоправовую сферу регулирования.

В любом цивилизованном государстве центральное место уголовной юстиции занимает суд. Именно этот орган власти уполномочен признать лицо виновным либо оправдать, назначить ему наказание, а также несёт дополнительную нагрузку по надзору за соблюдением закона органами следствия и дознания, санкционирования

определённых следственных действий. Устное, непосредственное, судебное следствие, основанное на принципах состязательности, является тем необходимым условием выполнения которых, определяет градус соблюдения прав личности на справедливое разбирательство. Таким образом, лицо привлекается к наивысшей государственной репрессии – уголовной ответственности на основании совершённого им противоправного деяния, имеющего состав преступления и в порядке неукоснительного соблюдения надлежащей процедуры (дознание, следствие, судебное разбирательство). Лорд Хьюарт заключил вышеуказанное в краткую форму: «Правосудие не только должно быть совершено. Оно должно быть совершено так, чтобы было видно очевидно и вне всяких сомнений: правосудие совершено» [11, 82].

РСДРП(б) не считала себя связанной старыми законами и процедурами, как такими, что являлись выражением воли эксплуататорского класса и полицейского режима. Рабочим и крестьянам неприемлемо использовать царскую или «февральскую» буржуазную уголовную юстицию. Ленин указывает: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было... совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат» [7, 124]. Соответственно в веренице революционных событий и необходимости решения множества вопросов жизнеобеспечения новой власти и государства, а также наряду с принятием программно-агитационных Декретов о земле и о мире, 22 ноября 1917 года СНК был принят Декрет о суде (Декрет о суде №1) [4, 124-126]. Беглое ознакомление с указанным Декретом даёт чёткое осознание того, что с задачей ликвидации и упразднения дооктябрьской судебной

системы он справляется отменно. А вот на многие вопросы касательно построения системы народного правосудия этот Декрет ответов не даёт, оставляя огромное место применению так называемой революционной совести, правосознания, а по факту революционной необходимости (целесообразности).

Декрет о суде определял лишь основные принципы организации судов и порядка избрания заседателей. Детальная регламентация их деятельности возлагалась на местные Советы, которые, проявляя творческую инициативу, решали конкретные вопросы организации судебной системы [6, 192].

Декрет о суде №1 всецело упразднял существующие общие судебные установления, приостанавливал течение всех сроков, приостанавливал деятельность института мировых судей, упразднил институты судебных следователей, прокурорского надзора, институты присяжной и частной адвокатуры, отменил донные существовавшие следственные комиссии. Далее указанный Декрет учреждал суды, образуемые на основании демократических выборов, заменял мировых судей, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, при том мировые судьи не лишались права быть избранными в местные судьи. Декрет о суде №1 определяет в некоторых случаях кассационную инстанцию уездной, а в столицах – столичные съезды местных судей. На фронтах соответственно вместо упраздненных военных судов создавались местные суды, избираемые полковыми советами либо полковыми комитетами. Функция предварительного следствия принадлежала единолично местному судье, а санкционирование личного задержания и предания суду возлагалось на состав всего местного суда, поддержание обвинения и осуществление защиты мог нести любой пользующийся гражданскими правами неопороченный гражданин. Для разрешения

организационных вопросов ликвидации старых и создания новых судебных органов вводилась должность особых комиссаров, при этом канцеляристам упразднённых судов предписывалось оставаться на своих местах и выполнять текущую работу под руководством вышеозначенного судебного комиссара. Постановлением Народного Комиссариата Юстиции «Об избрании Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов комиссаров юстиции впредь до создания постоянных судебных установлений и об обязанностях избранных комиссаров» от 19.12.1917г. предписывалось немедленно избрать комиссаров юстиции и наделить их правом хранения архивов и имущества судов, направления неоконченных дел, выдачей справок заинтересованным лицам [18, 172]. Право помилования и восстановления в правах лиц «переподчинено» судебной власти. Появлялась возможность передавать все гражданские, а также частно-уголовные дела на рассмотрение третейскому суду. Для борьбы против контрреволюционных сил, а также против таких преступлений как мародёрство, хищничество, саботаж, «злоупотребления» торговцев, промышленников и «прочих лиц» Декретом о суде от 22 ноября 1917 года предусматривалось упреждение рабочих и крестьянско-революционных трибуналов в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых соответственно губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для следствия по вышеуказанным делам при тех же советах образовывались особые следственные комиссии. Право, на основе которого новообразованные судебные органы и органы предварительного следствия совершают правосудие и следствие определено в пункте 5 Декрета о суде №1 с оговорками, изложенными в примечании к указанному пункту. Местные суды решают дела, руководствуясь законами свергнутых правительств, при условии них не

противоречия: а) революционной совести и революционному правосознанию; б) декретам ЦИК и Рабочего и Крестьянского правительства; в) программе минимум РСДРП и партии социалистов-революционеров. И наконец, Декрет о суде №1 наметил направления, по которым необходимо будет принять нормативное регулирование в перспективе. К таким «отложенным в будущее» вопросам относится: порядок дальнейшего направления и движения неоконченных дел, что были в производстве судов, упраздненных пунктом 1 Декрета; тоже касается и приостановленных сроков, действие которых будет восстановлено особым декретом; о судопроизводстве по делам, не описанным в пункте 2 Декрета о суде №1, декларировалось издание особого декрета; порядок третейского суда тоже соответственно будет определён особым декретом. Кроме этого, полномочия местных судов касательно предварительного следствия по уголовным делам имели временный характер «впредь до преобразования всего порядка судопроизводства». Порядок направления и движения неоконченных дел был решён Декретом ВЦИК от 29-го декабря 1917 г. Этим же декретом в дополнение к Декрету о суде №1 было конкретизировано право судебного комиссара изменять меру пресечения и в распорядительных действиях пользоваться правами председателя суда. Далее в развитие уголовной юстиции принимались Декрет СНК 9 января 1918 года, Декреты ВЦИК 15 февраля 1918 г., от 16 февраля 1918 г., от 20 июля 1918 и т.д.

Положение Декрета о суде №1 касательно революционного трибунала было развито и расширено в «Инструкции Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» изданной Наркомюстом 19 декабря 1917 года. В указанной инструкции уточнялся перечень

дел подсудный трибуналу, перечень наказаний применяемый трибуналом (всего 8 видов наказания), порядок выбора и жеребьевки должностных лиц, полномочия следственной комиссии, декларировалось создание особых трибуналов печати [18, 181-183]. В перечне наказаний отсутствовала смертная казнь. Возможность быть не связанными никакими ограничениями в борьбе с контрреволюцией, а соответственно и официально применять смертную казнь, появилась у ревтрибуналов в связи с постановлением Наркомюста от 3 июня 1918 года [13, 94-99]. «Трибуналы были созданы именно в целях применения мер насилия. Здесь было не до права и не до его толкования» [15, 213-214]. Как в Декрете о суде №1, так и в инструкции, революционным трибуналам предписывалось устанавливать наказания, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести. Предварительное расследование возлагалось на следственную комиссию ревтрибунала, заинтересованные лица имели право приносить жалобы на действия указанной комиссии в ревтрибунал, через его председателя. Жалобы рассматривались в распорядительном заседании ревтрибунала. Поводами к возбуждению дел ревтрибуналом служили сообщения судебных и административных мест и должностных лиц, общественных, профессиональных партийных организаций и частных лиц. Заседание самого трибунала были публичны, на них предписывалось вести стенографический протокол, приговоры постановлялись по большинству голосов членов коллегий. В процессуальном плане инструкция ревтрибуналам конкретизирует ряд сроков: сессия очередного состава ревтрибунала продолжается не более одной недели; в течении 48 часов следственная комиссия ревтрибунала должна была провести доследственную проверку; в случае единоличного принятия решения о действиях, что подлежат санкционированию

в 12 часов указанное действие (мера) должно(на) быть утверждено(на) следственной комиссией. Таким образом, ревтрибунал отмежевался от общей судебной системы новообразованного государства, составляя собой отдельный механизм именно революционно-целесообразной уголовной юстиции. «Создавая особые судебные структуры, большевики тем самым узаконивали репрессивно карательные действия, предавая им легитимную форму» [13, 94-99]. Председатель СНК Ленин, понимал и подчёркивал именно политическую природу ревтрибуналов, как органов показательной борьбы с контрреволюцией и инакомыслием. В своём письме к наркомюсту Курскому Д.И. от 31 марта 1922 Ленин указывает на необходимость использовать ревтрибунал для того чтобы поставить «политический процесс» [7, 716], как бы раскрывая суть данного правового института уголовной юстиции.

Системно анализируя нормы Декрета о суде №1 не до конца понятно, различия между «судами, образуемыми на основании демократических выборов» которые заменяют общие судебные установления и местными судами, что заменяют мировых судей «избираемых донныне непрямыми выборами» (п.п. 1-2 Декрета о суде №1). Как показала дальнейшая история, то в действительности остались лишь местные суды, которые рассматривали дела как ликвидированных общих судебных установлений так и мировых судей, а также революционные трибуналы [6, 195]. Не смотря на туманность формулировок, ликвидация дооктябрьской судебной системы шла уверенно, «старые» судебные учреждения были ликвидированы в Петрограде во второй половине ноября, в Москве – в декабре 1917 г. [6, 190]

Абзацем 5 пункта 2 Декрете о суде №1 предписывалась для разбора уголовных дел на фронтах создать «местные суды», избираемые полковыми советами либо комитетами. Специфика военных судов

такова, что допущение к правосудию различных солдатских советов может вести только к падению дисциплины и боеспособности частей. Избирать военный суд на советах, значит подчинить его большинству, значит нарушить вертикаль построения военной субординации. Сам фронт, как линия между воюющими сторонами, это явление постоянно меняющееся, а потому привязка «местные суды» является логически и юридически неадекватной. В этой части Декрета о суде №1 выразилось заискивание новорожденной советской власти перед фронтовиками, что в дальнейшем, как и показала история, приведёт к полной утере боеспособности и поражений от Германии. Параллельно, Петроградским военным округом 3 декабря 1917 года учреждены гласные товарищеские суды для разбора дел о проступках, принижающих звание «гражданина-воина» [6, 197]. Приказ от 03.12.1917 года №13 по Петроградскому Военному Округу полевого штаба главнокомандующего «Об организации гласных товарищеских судов во всех воинских частях Петроградского Военного Округа» был подписан Главкомандующим Округом Антоновым, начальником штаба Лукиным, членом Контрольной Комиссии Троцким и опубликован в №25 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 5 декабря 1917 года [18, 69]. Согласно с данным приказом учреждались ротные, сотенные, эскадронные, батарейные суды для разбора проступков. Рассмотрение дела в судах происходило гласно и в течении 24-х часов. Товарищеский суд мог наложить наказания от выговора до лишения очередного отпуска и назначения на хозработы в частях на срок до 2-х недель. Кроме указанных товарищеских судов, для разбора более важных проступков при частях учреждались выборные полковые (бригадные), батарейные суды. Их заседания должны были происходить только гласно, и дела должно было рассматривать в двадцать четыре часа.

Наказания, налагаемые ими, от выговоров до двух месяцев общественных работ. Самовольное оставление поста, пьянство при несении караульной службы и т.п. преступления карались общественными работами до шести месяцев. Постановления товарищеских судов необходимо было публиковать в приказах по части и сообщать по месту прежнего жительства наказуемого лица. Военнослужащие, совершившие серьёзные проступки по службе и против революции, передавались революционному суду при местных Петроградских Советах. Не раскрыт в данном приказе вопрос об обжаловании решений товарищеского суда: право и порядок. Остаётся неучтённым вопрос о соотношении приказа и Декрета о суде №1. Разграничение полномочий не определено, что обязательно должно было приводить к путанице и злоупотреблениям. Описанный приказ от 02.12.1917г. №13 наталкивает нас на два вывода. Первый, советская власть продолжает заигрывать с Петроградским гарнизоном, который, не желая идти на фронт «помог» в осуществлении революции и от настроения, в частях которого, зависит дальнейшая судьба новообразованного правительства. Для военнослужащих конкретизирован перечень применимых наказаний, правосудие отдано в руки солдат, наказания очень либеральны и снисходительны, постановлением Второго Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 года [4, 9-10] отменена смертная казнь на фронте. Второе, революционная целесообразность, требует изъятия проступков против революции из юрисдикции военных товарищеских судов и передачи обвиняемых лиц ревтрибуналам, где правосудие уже вершат подконтрольные большевикам советы. Позже, после первого квартала 1918 года, в военных подразделениях советских вооружённых сил будут создаваться военно-революционные суды, следственные комиссии и революционные трибуналы [6, 198].

В советских нормативно-правовых актах касательно уголовной юстиции октября-декабря 1917 года, имеется множество оценочных и неоднозначных понятий, таких как «неопороченные граждане», «прочие лица», «злоупотребления» и т.д. Неурегулированность в дефинициях, несомненно, приводит к злоупотреблениям, или вернее, к оперативному достижению целей борьбы с контрреволюционными проявлениями. Множество положений, указанных нормативно-правовых актов, несёт в себе отсылочный характер к российскому имперскому праву. Необходимо обратиться к общей и специальной части уголовного и уголовного процессуального «царского» права, для раскрытия сути и использования в деятельности органов суда и следствия таких понятий как «преступление», «проступок», «состав преступления», «общественные работы», «течение сроков», «гражданский иск», «апелляционный порядок», «кассационный порядок», «предварительное следствие», «частно-уголовное», которые изобилуют в законодательных актах советского правительства.

События октября 1917 года создали новую волну информационной войны. Революционная ситуация такова, что за кем пойдёт общество, кто склонит на свою сторону организованную, боеспособную вооружённую силу и, в тоже время, разложит боеспособные части противника тот и сохранит власть. Джон Рид со своей журналистской пронизательностью указывал: «Настало время борьбы печатных станков...» [3, 108]. Необходимость обеспечить в массы поток «правильной» информации, закрыть газеты, призывающие к неповиновению или сопротивлению Рабочему и Крестьянскому правительству, вынудило СНК уже 27 октября 1917 года издать Декрет о печати, а 28 октября 1917 года постановлением запретить выход всех газет, закрытых ВРК, 13 декабря 1917 года постановить о реквизиции типографии

«Биржевых Ведомостей» [4, 24-25, 539, 551] и т.д. Наступление советской власти на инакомыслие началось с самых первых дней октябрьского вооружённого восстания. Да и сам Ленин никогда не скрывал своих целей обеспечить единое и правильное, отредактированное информационное освещение происходящих событий. 4 ноября 1917 года выступая на заседании ВЦИК Ленин говорил: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки» [8, 5]. Формулировка самого Декрета о печати была менее радикальной, но не менее однозначной: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии. ... оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулемёты» [4, 24-25]. Революционная необходимость (целесообразность), как принцип советского нормотворчества, ярко проявила себя в издании Декрета о печати, и что касательно уголовной юстиции, то 18.12.1917 принято, а 19 декабря в №36 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства опубликовано Постановление Наркомюста о революционном трибунале печати [18, 154-155]. Ведению революционного трибунала печати подлежали преступления и проступки против народа, совершаемые путём использования печати. На должностных лиц революционного трибунала печати возлагалась функция, как предварительного следствия, так и разбора дела. Ревтрибунал печати не имел права возбуждать производства по своей собственной инициативе, поводами к возбуждению дел служили сообщения судебных или административных мест, общественных организаций или частных лиц. Заседания трибунала проводились публично, защита и обвинения организовывались на началах, изложенных в инструкции общего ревтрибунала. Согласно с пунктом 7 указанного постановления решения революционного трибунала печати окончательны и обжалованию не подлежат.

Ревтрибунал печати имел право применить 5 видов наказания: штраф; общественное порицание; опровержение ложных сведений; приостановка издания; конфискация. Привлечение произведения печати к революционному трибуналу печати не исключало общеуголовной ответственности виновных лиц.

Обвинение и защита в уголовной юстиции Российской Республики в октябре-декабре 1917-го года становится просто обозначенной формальностью. Абсолютная отмена профессиональной адвокатуры и органов прокурорского надзора, их замена «всеми неопороченными гражданами», нивелирует право гражданина, как на квалифицированную юридическую помощь защитника, так и на возможность обеспечения надлежащего надзора за соблюдением должной и законной процедуры предварительного следствия со стороны государственного прокурора. Состязательность уголовного процесса превращена в фикцию законодательной формулировкой Декрета о суде №1. Мог ли, пусть и не опороченный пролетарий, пользующийся гражданскими правами, оказать содействие обвиняемому в борьбе за оправдание, в борьбе против государственной репрессивной машины? Как указывал Сергей Андреевский, «защита есть законный противник и следственной власти, и прокурорского надзора, и обвинительной камерь» [21, 182]. Граждане, по сути, лишались возможности иметь такого «законного противника» карательно-следственного аппарата. Инструкция ревтрибуналам и постановление о трибуналах печати расширял возможности организации защиты и публичного обвинения по сравнению с местными судами. Так согласно инструкции ревтрибуналам при Революционном Трибунале учреждалась коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству, как в форме общественно обвинения, так и общественной защиты. В остальном положение инструкции перекликается с

предписаниями Декрета о суде №1, что в качестве обвинителей и защитников, имеющих право участия в деле, допускаются по выбору сторон лица пользующиеся политическими правами. Особую «публичность» заседанию ревтрибунала предавало то, что в прениях мог принять участие один обвинитель и один защитник из числа присутствующих на заседании. Касательно поддержки государственного обвинения то, далее положение будет исправлено созданием фактически действующего, но не имеющего формального закрепления комиссариата публичного обвинения и камер обвинения при трибуналах, введённых в соответствии с постановлением коллегии НКЮ РСФСР от 16 апреля 1918г. [6, 191] Вопросы организации защиты и создание коллегий правозаступников при городских и уездных советах были рассмотрены уже в Декрете о суде №2 утверждённого ВЦИК 15 февраля 1918 года.

Говоря о предварительном заключении лиц, проверке законности взятия под стражу и соответствия законности проведённых арестов, то нам следую обратить внимание и на постановления Народного Комиссара Юстиции Штейнберга И.З. от 15.12.1917 года «О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста» [18, 141]. Предписания данного постановления можно условно разделить на организационную и процессуально-нормативную. В организационной части постановлялось отменить доставление задержанных лиц в здание Смольного института и революционного трибунала (бывший дворец Николая Николаевича) без особого на то приказа. Все содержащиеся под стражей, а также вновь задерживаемые лица препровождались в следующие тюрьмы: пересыльную, Кресты, дом предварительного заключения, военно-морскую, тюрьму при комендантском управлении и женскую (Литовский Замок).

Процессуально-нормативная часть указывала на создание при всех вышеперечисленных 6-ти тюрьмах временных следственных комиссий в составе 3-х лиц по соглашению Петроградского Совета с районными советами Рабочих и Солдатских Депутатов. Не позже как в течении 48-ми часов данные комиссии должны проверять правильность ареста вновь доставляемых лиц и либо направлять их дела по подсудности, либо освобождать задержанных. Дополнительно на вновь созданные комиссии возлагалась обязанность немедленной проверки законности содержания всех арестованных до сих пор лиц. Анализируемое постановление внесло бы в советскую уголовную юстицию ощутимую долю демократизации если бы не следующая формулировка. Так первый абзац постановления от 15 декабря 1917 года гласит: «В преть до создания постоянных судебно-следственных учреждений, предлагаю принять к руководству следующее...» и далее следуют пункты, описание которых изложено выше. Словосочетание «предлагаю принять к руководству» соответственно носит рекомендационный характер, поэтому остаётся на усмотрение тюремных служащих, создавать ли указанные комиссии и проверять ли законность ареста. Как нормативно-правовой акт, постановления от 15 декабря 1917, даёт возможность широчайшему применению принципа революционной необходимости (целесообразности), из-за двусмысленности формулировки о строгости порядка применения изложенных в ней правил и указаний.

Одним из звеньев системы уголовной юстиции являлись такие органы правопорядка, как рабочая милиция и красная гвардия. Согласно с подпунктом «i» пункта 3 инструкции ревтрибуналу распоряджения следственной комиссии приводится в исполнение красной гвардией, милицией, войсками и исполнительными

органами Республики. Естественно, что действия предварительного следствия должны иметь силовое обеспечение и прикрытие. Кроме организованных и вооружённых военнослужащих Петроградского гарнизона, сформированного ещё до революции, и имеющего «переменчивое настроение», а также вооружённых пролетариев красной гвардии, которые «При каждом кризисе... появлялись на улицах... полные революционного энтузиазма» [3, 21] необходимо было создать соответствующее подразделение внутренних дел, для которых характерна специфическая функция силового и оперативного поддержания структур предварительного следствия. Так 28.10.1917 года Постановлением по Народному Комиссариату по Внутренним Делам «О рабочей милиции» [18, 16] дано указание всем советам учредить рабочую милицию. Военные и гражданские власти обязаны были содействовать вооружению и снабжению её техническими силами, вплоть до снабжения её казённым оружием. Пункт 2 указанного постановления определял, что рабочая милиция всецело и исключительно находится в ведении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Изложенное указывает на то, что как и суд, органы следствия так и милиция всецело находились под управлением советов, и находилась в экономической и политической зависимости от них.

Призванный навести порядок в вопросах уголовной юстиции, Декрет о суде №1 совершил, легитимизацию Ленинского принципа: «Нам надо судить самим» [7, 96]. Если учитывать коммунистическую позицию, что советская власть есть новый тип государства без бюрократии, с демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них законодателя, и исполнителя [7, 94] не может не бросаться в глаза «партийность» новых судов. Декларировано избрание состава суда народом, при этом не прописано и даже нет ссылки на порядок избрания судей –

народное представительство в них. По сути, суды назначались, списки очередных судей и заседателей составлялись Советами. Естественно, понятно, чью волю будет исполнять т.н. местный суд и ревтрибунал. Воздвигнув в качестве источника права программу партии большевиков и эсеров СНК однозначно разъяснил всем подконтрольным территориям и структурам, диктатуру, какой партии считать волей народа, и выполнять эту волю, соответственно в согласии с революционной целесообразностью. Право вести следствие, судить и миловать, целиком сосредоточилось в руках назначенного одной партией суда. Судебное разбирательство в таком случае это всего лишь процессуальное закрепление выводов следствия. Уровень субъективности в данном случае зашкаливает. Уголовная юстиция, основанная на революционной совести и революционном правосознании, открывает возможность наказывать людей на основании набора предрассудков, политических взглядов, идей, классовой принадлежности. Большевики официально передавали уголовную юстицию во власть толпы, вооружённых и организованных групп, которые уничтожали классовых и политических врагов партии. Отсутствие реальной возможности апелляции и лишь пересмотр некоторых категорий дел в кассационном порядке съездом местных судей, что является калькой с царского законодательства о мировых судьях. Вот только мировые судьи в Российской Империи рассматривали гражданские дела с суммой иска до 500 рублей и мелкие уголовные проступки согласно с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Большевики же возлагают на съезд судей, который, в условиях тотальной революции и хаоса, имеет организационно-политическую функцию, обязанность разбирать более сложные дела о преступлениях, за которые возможно наложение строгого наказания. Если говорить о ревтрибуналах и ревтрибуналах печати, то обжаловать приговор не представлялось возможным

вообще. Только лишь, согласно инструкции Наркомюста ревтрибуналам, в случае нарушения форм судопроизводства, а также обнаружения признаков явной несправедливости приговора, Народный Комиссариат юстиции имеет право обратиться к ЦИК с предложением назначить вторичное и последнее рассмотрение дела. Таким образом, обжаловать приговор только лишь ревтрибунала, можно было по мотивам нарушения процессуальной формы и несправедливости выбора наказания, но не закреплялась обязанность какого-либо либо органа пересмотреть приговор, лишь право. Да и пересматривать в случае повторного рассмотрения дела должен был тот же трибунал, что и постановил приговор до этого. Говорить об объективности в таком случае не приходится. Сказанное подчёркивает антидемократический характер Декрета о суде №1, инструкции ревтрибуналам и постановления о ревтрибунале печати подчиния уголовную юстицию политическим соображениям революционной необходимости. В письме от 17.05.1922 года, уже упоминаемому в данной статье наркомюсту Курскому Д.И., Ленин высказывает своё видение соотношения советского суда и террора, а именно Владимир Ильич пишет: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [7, 718].

Процесс раскрытия и расследования преступления, сбор доказательств, составление обвинительного акта и предание обвиняемого суду, является не менее важной частью уголовной юстиции, чем судебное разбирательство. Предварительное расследование – это основанная на законе деятельность следователя по обнаружению, собиранию, закреплению и предварительному исследованию доказательств, всестороннему исследованию дела с целью раскрытия преступления, изобличения лиц, виновных в его совершении [19, 211].

Деятельность следователя сопровождается принятием определённых решений и оформлением их в виде уголовно-процессуальных актов и документов [12, 72]. Как указывалось выше, следствие согласно Декрета о суде №1 вели судьи местных судов и особые следственные комиссии, касательно преступлений подсудных ревтрибуналам. Согласно с протокольным постановлением СНК (протокол 7 декабря 1917 года №21) был создан ещё один орган предварительного расследования – Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем [14, 82-83], сообщение о создании которой опубликовано в газете «Известия ВЦИК» от 10 декабря 1917г. [8, 24] На данную комиссию возлагалась обязанность проводить предварительное расследование по делам о контрреволюционных и саботажных действиях, со стороны кого они бы не исходили. Расследование, как составная часть уголовной юстиции, должно происходить в полной изоляции от политических, экономических и прочих факторов влияния. Ранее, в данной статье, мы пришли к выводу, что судебное разбирательство, согласно с нормами уголовно-процессуального права, это отдельная стадия уголовной юстиции, но, которая во многих моментах, в силу революционной необходимости (целесообразности) слилась с предварительным следствием. Исходя из теории уголовного процессуального права предназначением предварительного следствия, в том числе дознания, как предварительных стадий уголовной юстиции, является выяснения всех обстоятельств дела для того, что бы суд мог вынести по нему обоснованный, полный и справедливый приговор.

Что касается, предварительного следствия в октябре-декабре 1917 года, то даже официальная юридическая доктрина советского государства декларирует, что «в первой главной фазе развития нашего

социалистического государства советское уголовное право было одним из эффективных орудий в деле осуществления функции подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов» [23, 270]. Если говорить о самом процессе расследования преступлений, для исследуемого периода однозначно характерно «ручное» руководство следствием, назначение виновных только лишь по политическим, сиюминутным мотивам. Как писал М.И. Калинин: «Судья должен... уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле...» [23, 718] Наделив судей, кроме присущей им функции совершения судебного разбирательства, правом проведения предварительного расследования, указав им на необходимости использовать политическую программу партии в качестве источника права, а также личные убеждения в качестве революционной совести и правосознания, советское государство подчинило уголовную юстицию революционной необходимости. «Пролетариату России приходилось решительно подавлять сопротивление многочисленных врагов...» [5, 231] Октябрь-декабрь 1917 года буквально насыщен актами и распоряжения, которые носят точечный характер, с заранее заготовленными выводами, что не может лечь в правильную, продуманную, структуру должной процедуры следствия и суда. Уже в своих первых обращениях советская власть даёт распоряжения и указания уголовно-процессуального характера. Например, в обращении ВРК и Постановлении второго Всероссийского съезда от 25-26 октября 1917 года указывается, что аресту подлежат офицеры, которые открыто не присоединились к совершившейся революции, комиссары, арестовавшие членов земельных комитетов [3, 290-291]. Самые первые распоряжения советской власти в части уголовной юстиции были направлены на подавление политического сопротивления, а также на

борьбу с «экономическими преступлениями», либо как комплекс мер по борьбе с буржуазией, как экономическими, так и политическими врагами новой рабочей и крестьянской власти. Так, уже 26 октября второй Всероссийский съезд советов постановил арестовать Керенского, притом, что министры Временного правительства были уже арестованы [4, 10]. Согласно Декрету СНК 28.11.1917 года подлежали аресту и преданию военно-революционному суду члены руководящих учреждений партии кадетов [18, 58], а в постановлении СНК от 26.11.1917 года объявлялось о каре по всей тяжести революционного закона тех лиц, которые окажут содействие контрреволюционерам [18, 45-46]. При этом фактический парламент Российской Республики всесторонне поддерживал борьбу правительства с политическими врагами и резолюцией ВЦИК от 1 декабря 1917 года отверг «протесты политических групп, подрывающих своим колебаниями диктатуру пролетариата и крестьянской бедноты» [18, 171]. Позицию СНК в борьбе с политическими врагами ярко демонстрирует предписание Главному комиссару Черноморского флота от 26 ноября 1917 года, где говорится: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. На ультиматум отвечайте смелым революционным действием» [18, 160].

Параллельно с политической борьбой власть большевиков ведёт и экономически-финансовую с помощью механизмов уголовной юстиции. Так 15.11.1917г., СНК предлагает Военно-Революционному Комитету принять самые решительные меры к искоренению спекуляции и саботажа, а виновных лиц арестовывать по специальным постановлениям и заключать в тюрьмы Кронштадта, до предания военно-революционному суду [18, 28-29]. Подлежали аресту также директора и члены правления банков в случае не открытия банков в срок, баствующие работники министерства финансов и т.д. [18, 30-31] Характерной

особенностью механизмов уголовной юстиции октября-декабря 1917 года было делегирование процессуальных функций революционным толпам. В обращении СНК к населению от 05 ноября 1917 года прямо говорится: «Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу...» [8, 6] Известны также случаи и арестов по указанию Ленина, таких, например как, записка А.Г. Шляпникову и Ф.Э. Дзержинскому в ноябре 1917 года [8, 17-18]. В указанной записке Ленин просит правление уральских заводов арестовать, погрозить судом за создание кризиса и конфисковать все уральские заводы. Широко известно и предписание написанное Лениным от 31 декабря 1917 года об аресте всех членов румынского посольства, миссии и служащих официальных румынских учреждений. Из указанного следует, что политика шла перед процессуальными выводами. Задачей следствия и суда было облачение уже принятых решений в документальные формы уголовной юстиции.

Характерной чертой деятельности органов правоприменения в сфере уголовной юстиции было юридическое и фактическое устранение органов правосудия от принятия мер уголовно-правового характера. Например, Декретом СНК о конфискации имущества, принадлежащего Путилову, объявленному врагом народа от 30 декабря 1917 года [4, 308] предписывалось за неявку Алексея Ивановича Путилова на вызов в следственную комиссию при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов конфисковать всё его движимое и недвижимое имущество. Аналогично, без суда подлежали конфискации следственными комиссиями деньги и ценности, что хранились гражданами в банковских ячейках (Декрет ВЦИК о ревизии стальных ящиков в банках от 14 декабря 1917 года [4, 230-231]).

Чехарду с арестами и преданию суду должно было облечь в структурированную форму Постановление Народного

Комиссара Юстиции от 16 декабря 1917 года «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» [18, 140-141]. Так с момента опубликования данного Постановления в Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 17 декабря 1917 года №35 обыски, выемки и всякие иные следственные действия производятся только лишь по специальным ордерам. Право на выдачу ордеров имеют: следственные комиссии при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов; следственные органы при районных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов; революционный Трибунал всех вновь организуемых судебных мест; всероссийская следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров; комитет по борьбе с погромами при ЦИК Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Постановлением Народного Комиссара Юстиции от 16 декабря 1917 предусматривалась возможность и подачи заявления о неправильных действиях и упущениях указанных комиссий в те учреждения, при которых они состоят, а также в Наркомюст. Только вот порядка, сроков и последствий рассмотрения принесённых заявлений данное постановление не предусматривает, что превращает указанный порядок обжалования правовую фикцию. Несмотря на Постановление Народного Комиссара Юстиции от 16 декабря 1917 года «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» которым очерчивался исчерпывающий список органов уполномоченных выдавать ордера на аресты, 21-го декабря 1917 года в №38 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства опубликовано за подписями заведующего иностранного отдела Комиссариата по внутренним делам

Уншлихта и уполномоченного Наркома по иностранным делам Залкинда Инструкцию комиссарам в пограничных пунктах Российской Республики «О правилах въезда и выезда из России» [18, 185-186]. Согласно примечанию к подпункту 4 Инструкции «О правилах въезда и выезда из России» недозволено к перевозу за границу документы, могущие повредить политическим и экономическим интересам Российской Республики. В пункте 6 этой Инструкции говорится, что лица, у коих будут найдены компрометирующие бумаги, арестовываются и препровождаются в распоряжение Комиссариата по иностранным делам. Таким образом, комиссары в пограничных пунктах соответственно получили право производить арест, что противоречит общим нормам Декрета о суде №1 и Инструкции «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений». Правовая коллизия, но политическая согласованность. Если говорить в процессуальных моментах, то можно отыскать определённые процедурные разногласия, но мы не найдём разногласий в политической доктрине государства выраженной в нормативно-правовых актах уголовной юстиции. Революционная целесообразность требовала жёсткого подавления сопротивления со стороны идеологически враждебных сил.

Общими характерными чертами нормативно-правовых актов уголовной юстиции октября-декабря 1917 года были относительная неопределённость органов применения, слияние процессуального закона и закона о построении судебно-следственных органов, ограничения свободы личности, неопределённость сроков такого ограничения, диктат политической необходимости и обособленное отделение именно политической уголовной юстиции, фактическое и юридическое слияние органов следствия и суда, отстранение суда

от принятия важнейших правоприменительных решений.

Революционная необходимость (целесообразность) явилась тем главенствующим принципом построения советской уголовной юстиции, который, позволил с первых дней новой власти обеспечить ей победу в борьбе за построение государственности. Закон, как высшее проявление воли государства являлся инструментом легитимизации принятых политических и идеологических решений.

Бібліографічні посилання

1. Волобуев П.В. Обращаясь к великому опыту. Коммунист. 1988. №16
2. Горький М. Несвоевременные мысли. Новая Жизнь. 20 апреля (3 мая) 1917г. №2.
3. Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Государственное издание политической литературы, 1958, – 352 с.
4. Декреты Советской Власти, том I, М.: Государственное издание политической литературы, 1957г. – 626 с.
5. История Коммунистической партии Советского Союза. (Изд. 4-е, под.) М.: Политиздат, 1973 – 752 с.
6. История советского государства и права, кн. 1. Становление Советского государства и права (1917-1920 гг.). М.: издательство «Наука», 1968 г. – 608 с.
7. Ленин В.И. О государстве и праве. М.: Государственное издание юридической литературы, т.2, 1958 г. – 847с.
8. Ленин В.И. и ВЧК: Сборник документов (1917-1922гг.). Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1987. – I – XIV, 1 – 642 с.
9. Ленин В.И. О Государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. М.: Издательство политической литературы, 1983. – 23 с.
10. Лысенков С.Л. Конституция Украины: Материалы к изучению. Киев: Лыбидь, 1997. – 160 с. – На укр. и рус. языках
11. Манукян В.И. Европейский суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии: Научно-практическое пособие. – Киев: Истина, 2007. – 368 с.
12. Михайличенко А.Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан. Научно-практическое издание. – Киев: Юринком Интер, 1999. – 448 с.
13. Никулин В.В. Революционные трибуналы как специфический государственный институт борьбы с контрреволюцией в советской судебной системе. Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. Специальный выпуск (44). 2013.
14. Пролетарская революция, 1926, №9(56).
15. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л.: Госиздат, 1925. – 276 с.
16. Сергеич П. Искусство речи на суде – Киев: Техника, 2005. – 368с.
17. Смирнов Г.Л. К вопросу о ленинской концепции социализма. Политическое образование. 1989, №1.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Отдел первый. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942г.
19. Советский уголовный процесс. Алексеев Н.С., Бастрыкин А.И., Даев В.Г. и др.; Под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 472 с.
20. Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. Под общ. ред. А.Т. Кинкулькина; Сост.: Г.В. Клокова и др. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
21. Судебные речи известных русских юристов. Сборник. Издание третье, исправленное. М.: Государственное издательство юридической литературы – 1958 г. – 871 с.
22. Троцкий Л.Д. Сталин. В 2 т. Т. 2. Под редакцией Ю. Фельштинского. – М.: Терра-Тема – Политиздат, 1990. – 286 с.
23. Юридический словарь. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953 г. – 782 с.

